

ТЕМА НОМЕРА

## РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.554

### Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира?

**Ссылка для цитирования:** Яницкий О. Н. Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 11–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.554>

**For citation:** Yanitsky, O. N. Is social forecasting of the mobile world's dynamics currently possible?. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 11–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.554>



### Яницкий Олег Николаевич

Институт социологии ФНИСЦ РАН,  
Москва, Россия

[oleg.yanitsky@yandex.ru](mailto:oleg.yanitsky@yandex.ru)

## Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира?

**Аннотация.** Отталкиваясь от прогноза распада СССР, сделанного советскими социологами в середине 1980-х гг., автор стремится понять, возможно ли социальное прогнозирование в современном неопределённом и всё время меняющемся мире. Опираясь на теоретические работы российских и западных социологов 2000-х гг., включая собственные исследования автора и его участие в трёх международных проектах, в статье показывается, что в прогностических исследованиях до сих пор преобладает дихотомический подход. Этот аналитический подход характерен и для большинства англо-саксонских исследователей глобализации. В статье рассматриваются также теоретико-методологические тренды, развиваемые исследователями стран «третьего мира» за пределами вышеупомянутой дихотомической аналитики. В частности, анализируются эвристические возможности анализа современной глобализации как самоорганизующегося «движения движений» (the movements of the movements), необходимость междисциплинарного и метаболического анализа. Особое внимание уделяется изменениям на микроуровне, т. е. положению и образу жизни индивида в условиях текучей модернизации. Статья завершается некоторыми конкретными соображениями автора относительно типа и характера теории и методологии, которые дают возможность адекватно анализировать и прогнозировать динамику современного неравновесного и мобильного мира. Анализируются методологические расхождения общественных и естественных наук в их представлениях и подходах, касающихся критериев и методов прогнозирования динамики глобального мира.

**Ключевые слова:** глобализация, «движение движений», концепция, дихотомия, индивид, междисциплинарный и метаболический анализ, социальное прогнозирование, российская социология, теория и методы

## Научные и гуманитарные позиции авторов прогноза 1980-х гг.

Прогноз относительно причин и сроков распада СССР был сделан советскими социологами в период начала-середины 1980-х гг. на относительно небольшом материале качественного исследования и оправдался с точностью до месяца. Однако собственно социальная прогностика, бурно развивавшаяся в СССР в 1960–70-е гг., к этому времени практически прекратила своё существование. Этот прогноз был сделан методом экспертного опроса (всего не более 50 чел.). Инициатором, теоретиком и методистом этого опроса стал Андрей Алексеев, ленинградский социолог, который был строго наказан советскими и партийными органами Ленинграда за организацию такого несанкционированного властью исследования.

Что же позволило советским социологам «вычислить» точный срок распада СССР, чего не смогли сделать западные «советологи» и «кремленологи»?

Как видно сегодня, достаточно было грамотно составить обычный вопросник (я бы сегодня назвал этот метод глубинным полу-структурированным интервью) с необходимыми методическими пояснениями для интервьюеров, которыми были не наёмные «с улицы», а те же рефлексирющие социологи. Сам принцип экспертного опроса был иной: не интервьюер и «ответчик», а *диалог заинтересованных профессионалов* (к сожалению, процесс выработки «окончательного ответа» не был отражён в последующей публикации). Затем предстояло опросить полсотни рефлексирющих и граждански ориентированных экспертов-социологов, чтобы получить ответы на вопросы, над которыми спустя много лет размышляют российские и зарубежные социологи. Это были мысли и оценки думающей части советской гуманитарной интеллигентии во времена, которые позже российская и западная социология назвали «застойными». Возможно, что в отношении экономики и научно-технического прогресса эта оценка была справедлива, но она никак не относилась к гуманитарной сфере.

Как известно, именно в этот «застойный» период появилось множество исследований и произведений литературы и искусства, которые показали всему миру творческую интеллектуальную мощь советской интеллигенции. Достаточно вспомнить имена А. И. Солженицына, Д. С. Лихачева, В. Г. Распутина, С. П. Залыгина, В. Л. Гинзбурга, Н. Н. Моисеева, А. М. Прохорова, А. Адамовича, Н. Ф. Наумовой и многих других. Не менее существенно, что данное качественное исследование выступило «оппонентом» уже широко применяемым в нашей стране методам опроса общественного мнения. Это был красноречивый пример, что «воевать» на «идеологическом поле» можно и нужно не числом, а умением. Какие же аргументы в пользу скорого распада страны выдвигались авторами названного исследования?

Во-первых, – это общий (системный) кризис. То есть кризис экономики, внутренней и внешней политики, институциональной структуры, морали, системы основополагающих ценностей и т. д. Называлась и такая демографическая причина, как вымирание геронтократии в верхних эшелонах власти, а также фактор антагонизма между социалистическим и капиталистическим укладами, рецидивы которого мы наблюдаем и сегодня.

Во-вторых, это была «развилка», говоря современным языком, точки бифуркации, которая, как ожидалось, должна наступить до конца XX века. Существующее противоречие между «снежным комом» нарастающих проблем и противоречий и стабильностью социалистической системы объяснялось двояко. С одной стороны, источником (и резервом) стабильности назывались экстенсивные факторы экономики, и прежде всего избыточная рабочая сила, включённая в производство. Действительно, этот избыток мог видеть сторонний наблюдатель, хотя доски объявлений у заводских проходных пестрели объявлениями о приёме на работу.

В-третьих, как показал этот опрос, в подсознании большинства взрослых людей сохранялся страх перед репрессиями, резким обнищанием и другими социальными бедами, к которым, как этим людям казалось, произойдёт возврат в случае слома существующей государственной машины. Люди старшего поколения помнили ещё ужасы революционных перемен и гражданской войны 1917–22 гг.

В-четвёртых, часть экспертов была единодушна в том, что с приходом капитализма резко возрастёт экономическое и политическое неравенство между теневыми дельцами, капиталистами и представителями номенклатурной элиты, с одной стороны, и бедным и бесправным населением – с другой, что и приведёт к распаду СССР.

В-пятых, уже тогда, в середине 1980-х гг., глобализация рассматривалась как фактор, который может подорвать существующую стабильность. Среди основных её характеристик назывались: научное и технологическое отставание СССР от ведущих западных стран, включая начало «информационной эпохи»; возрастающая мощь США и Китая, формирование «дуги» США–Европа–Китай–Япония. Эти глобальные вызовы обозначились на фоне ослабления экономического и политического единства внутри «социалистического лагеря».

## Возможно ли социальное прогнозирование в условиях глобализации?

Сначала – каков собственно субъект исследования? Обратимся к анализу феномена «советскости», проведённому В. А. Сомовым [Сомов 2015]. Несмотря на разнообразие оценок этого феномена – от «ущербный социальный тип» (А. Н. Медушевский) и «антропологическая катастрофа» (Ю. С. Пивоваров) до оценки этого исторического периода как

«советская цивилизация» (С. Г. Кара-Мурза), – можно увидеть фундаментальную двойственность, изначальную противоречивость советского периода, которая явилась основой его нарастающей нестабильности и последующего распада.

Однако сильно ли отличалась ситуация в СССР в 1970–80-х гг. от той, которая сегодня существует на мировой геополитической арене? Нет, практически не отличалась совсем. Ситуация общей неопределённости, нестабильности и непредсказуемости геополитической ситуации, отягощённая движением вперёд одних, стагнацией и застоём других и распадом третьих, только нарастала. Она была давно предсказана такими ведущими западными исследователями, как У. Бек, М. Кастельс, Д. Урри, и позже была подтверждена многолетним исследованием глобальных рисков [The Global Risk... 2018].

С. А. Кравченко [Кравченко 2015] дал исчерпывающую характеристику 15 глобальных неравенств, часть из которых существовала ранее, а другие (например, неравенство между влиянием интернациональной культуры и национальными культурами) в распределении рисков являются новыми.

Вместе с тем современная глобальная ситуация отличается качественно. Причин геополитической нестабильности сегодня много. Во-первых, сам процесс перехода глобального сообщества из одного состояния в другое идёт неравномерно, скачками и с разными скоростями. Одни общества уже «там», в постиндустриальном обществе, но, как показал пример США, «прорыв» транснациональных корпораций во внешний мир обернулся деградацией ряда национальных отраслей индустрии (феномен «ржавого пояса Америки»). Другие только начинают движение к производству и обществу, основанному на информационных технологиях; третьи находятся в состоянии стагнации; четвёртые деградируют и распадаются и т. д. То есть *неопределённость и нестабильность суть имманентные характеристики постмодерна.*

Но и внутри отдельных стран и их сообществ те же неопределённость и нестабильность воспроизводятся на национальном и даже локальном уровнях, так как одни его субъекты более вовлечены в глобальные процессы, другие значительно менее. Плюс внутри них идёт скрытая и явная борьба между глобалистами и сторонниками национальных ценностей.

Дело усложняется тем, что современный мир «состоит» из нескольких типов двусторонних или многосторонних отношений: дружественных, неопределённых или враждебных, как бы они ни маскировались дипломатическими средствами. Сегодня США и их союзники по НАТО ведут большую работу с целью вовлечь в этот альянс как можно больше стран.

С другой стороны, даже временная стабильность – весьма неустойчивое состояние, которое может быть в любой момент нарушено как намеренно, так и по неосторожности, если инициаторы некоторого политического действия не учтут всего разнообразия окружающих их

обстоятельств и интересов. И вообще в подвижном, постоянно меняющемся мире *стабильность есть лишь момент его многосторонних трансформаций.*

Современные социологи редко задаются вопросом, какая именно стабильность нужна сегодня? При ближайшем рассмотрении оказывается, что таких «стабильностей» всегда множество. Политическая элита борется за упрочение своих властных позиций, бизнес всегда нуждается в развитии, «четвёртая власть» хочет того же, а рядовые граждане требуют, чтобы их материальное благополучие не нарушалось, а непрерывно росло при любой экономической погоде. Что же произойдёт, когда использование робототехники и других «умных машин» резко сократит рынок труда, если возникшая в результате безработица усилит массовые миграционные процессы, ломающие любые межнациональные или межгосударственные границы? В целом можно сказать, что «стабильность» для большого бизнеса измеряется миллиардными долларовыми прибылями, тогда как «стабильность» для рядовых граждан – всего лишь несколькими десятками тысяч рублей.

Теперь о некоторых ключевых характеристиках происходящих глобально-локальных трансформаций.

1. Международные социальные институты (ООН, Всемирный банк и др.), созданные в прошлый период, сохраняя своё нормативное значение, более не являются теми инструментами, которые позволяют быстро и эффективно отвечать на любые вызовы: экономические, социальные, природные, технологические. Поэтому «между» этими общими нормативами растёт и расширяется *система временных инструментов управления изменяющимся миром*: перманентные переговоры, временные соглашения и альянсы, дорожные карты. *Скорость и многосторонность изменений суть сегодня главные вызовы.*

2. В современном интегрированном мире уже нет чёткого разделения понятий «природа» и «общество», «мы» и «они», «там» и «здесь», «фронт» и «тыл» и др. Поэтому, с моей точки зрения, национальные государства и мир в целом надо рассматривать как сложные социобиотехнические системы (далее СБТ-системы). «Интеракции», то есть инструмент, которым более века широко пользовались социологи, сегодня более не отвечает степени интегрированности и взаимозависимости разнородных процессов и структур. В ходе любых «интеракций» происходят *метаболические процессы, то есть процессы взаимных изменений двух или нескольких агентов или субстанций.* Если читатель откроет инструкцию к любому лекарственному препарату, он найдёт там этот термин. А вот результат метаболических процессов может быть самый разный: усиление или нейтрализация одного агента другим, «помощь третьей стороне» (например, пищеварительному процессу) или же уничтожение одного другим, даже их взаимное уничтожение (аннигиляция).

3. Если речь идёт о взаимодействии качественно различных агентов, то одних социологических знаний будет недостаточно. *Для познания сложного, изменчивого и интегрированного мира нужно междисциплинарное*

*знание*. И столь же многоплановое действие. С этой точки зрения переход многих мировых лидеров к системе «ручного управления» не кажется таким уж странным. Пока только человек, опирающийся на выводы группы экспертов, в состоянии охватить многоплановую динамику сложного агента. К сожалению, собственно социология осталась одномерной дисциплиной, как и 100 лет назад. Наличие таких «параллельных» дисциплин, как социальная антропология, социолингвистика или социальная психология, не меняет дела – у каждой из них собственный профессиональный взгляд на окружающий мир. Сегодня необходимо междисциплинарное знание, междисциплинарное действие и столь же многоплановая оценка его результатов.

4. Такое знание вырабатывается только в процессе длительного взаимодействия социальных, естественных и технических наук. Космонавтика тому пример. Существует лишь ограниченное число человеческих практик, когда сам объект конструирования, например, проектирование и строительство городов, требует взаимодействия многих специалистов и столь же объёмного корпуса различных знаний и умений. Я не собирался стать урбанистом, но, отучившись и проработав в этой отрасли два десятка лет, понял, насколько ценным стал для меня этот опыт в последующей работе как социолога.

5-е, самое сложное – глобальные риски, как предвидимые, так и непредсказуемые. Однако «предвидимые» не означает, что у общества или человечества есть средства их предотвращения или смягчения. Совсем не случайно, что в английских научных текстах чаще всего используется термин «смягчение» или «ослабление» (mitigation) негативного эффекта риска, но не его полное устранение (выздоровление или возвращение к прежнему состоянию). Глобальные угрозы, которые затем трансформируются в реальные разрушения природных и социальных систем, как правило, имеют очень сложную систему формирования, часто незаметную для человека. Но даже если риск заранее предсказан, как, например, землетрясение или наводнение, то полностью уберечься от его разрушительных последствий практически невозможно. Ещё сложнее бороться с социальными и иными последствиями глобального потепления. Но в любом случае, как на предупреждение подобных рисков, так и на их «смягчение» требуются ресурсы и долгое время на адаптацию пострадавших к новым условиям жизни и быта. Приведу только один пример. После аварии на атомном реакторе Фукусима-1 значительную часть населения района, прилегающего к АЭС, пришлось переселять. Но в местах, куда их собирались переселить, «коренное» население выступило против этих «заражённых несчастных», хотя те и другие были японцами [Новикова 2013].

## О роли личности в условиях глобализации

Подавляющее большинство отечественных и западных теоретиков глобализации изучали её как совокупность массовых процессов, что вполне естественно. Значит ли это, что человек становится лишь частью данной безликой массы, что «единица – ноль», как писал В. Маяковский?

Ни в коей мере! Индивиды, вооружённые современными знаниями и глобальным информационным инструментарием, приобретают важную и даже решающую роль в глобальных процессах. Это – реальное проявление феномена «силы слабости». Вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что лидеры США, Китая или России играют существенную роль в современном мире.

Но это лишь политический аспект вопроса. Удовлетворение «постоянно растущих потребностей» массы населения – процесс, который формируется и направляется массмедиа, является главным механизмом развития рынка и капиталистического способа производства в целом. Иными словами, проблема современной личности была интегрирована в идеологию и политику этого производства. С одной стороны, социологический инструментарий (массовые опросы) служил познанию потребностей массы; с другой стороны, были сконструированы массмедиа, которые работали только в интересах капиталистического рынка.

Массмедиа, как показали А. Арсеналт и М. Кастеллс [Arsenalt, Castells 2008], легко управляют формированием потребностей массы населения при помощи всего двух инструментов: переключения информационных каналов и перепрограммирования их контента. Давно ли начался это процесс обезличивания? По моему мнению, с начала XX века, когда литература и искусство вместо осмысления действительности художественными средствами начали конструировать её по собственному усмотрению. Абстракционизм, «конкретная музыка», «режиссерский театр» – всё это проявления одного и того же процесса «универсализации» культуры и искусства, лишения их связи с национальной почвой. Как связан с национальной культурой Чёрный квадрат К. Малевича? Да никак, в чём я вижу глубокое сходство с современными процессами тотальной информатизации и кодификации. Вместо того чтобы проникать в сущность происходящих перемен, понять их глубинные причины и следствия, политики, социологи и люди искусства стремились навязать потребителю своё «унифицированное» видение происходящих перемен.

Не желающие следовать этой линии объявлялись «отсталыми», «устаревшими» и т. п. В конечном счёте, классика как явление европейской культуры была побеждена социальным и художественным конструированием. Вместо всеобщей пропаганды достижений науки и культуры идеологи «рыночной экономики» в её современном виде разделили эти достижения на два независимых «потока»: для избранных и для массы. Для избранных – тишина научных лабораторий и выставочных залов, посещение концертов исполнителей классической музыки мирового класса, а для массы – попса и произведённые поточным методом телесериалы. Заметьте, если даже человек массы переходил в касту избранных, он никогда более не возвращался обратно! Он был вынужден подчиняться законам рынка, лишь изредка занимаясь благотворительностью, то есть поддержанием той же рыночной системы.

Именно этим объясняется практическое отсутствие выдающихся популяризаторов достижений науки, которыми была так богата история советского времени. Именно в этом причина отсутствия сегодня таких выдающихся теоретиков в области социологии личности,

какими были Л. С. Выготский и И. С. Кон. Но хуже всего то, что престиж российской науки продолжает снижаться. Причина, видимо, проста: как заметил однажды бывший президент РАН академик В. Е. Фортов, в российской науке остались те, кто уехал. Неужели мы возвращаемся в 1920–30-е гг., когда русские учёные-эмигранты развивали американскую и европейскую науку?

Приведу только один пример из работы З. Баумана, который всегда интересовался проблемой личности в условиях «текущей модернити». Вот лишь некоторые из его основополагающих мыслей.

– Современное западное общество устроено таким образом, что индивид всё менее способен отличить собственные усилия по самовоспроизводству личности (self-production of the selves) от их имитаций под воздействием медиа [Бауман 2008: 69].

– «Текущее общество», то есть постоянно изменяющаяся социальная среда обитания, принуждает индивида следовать за ним, чтобы сохранить свою работу, положение в обществе и т. д.

– Модернизация всегда производит человеческие отходы (human wastes), которые, с одной стороны, изолируются от стремительного бега модернити, но, с другой стороны, замедляют его.

– Постоянно существует разрыв между способностью индивида делать свою работу хорошо и необходимостью убеждать общество, что она действительно сделана хорошо. Замечу, что вследствие этого разрыва возникает масса рекрутинговых агентств, экспертных контор и интерпретаторов законодательных актов, которые и определяют, способен ли данный индивид выполнять данную работу. То есть человеческие способности определяются не им самим, а множеством сторонних организаций и агентств. Это создаёт перманентную неопределённость его существования.

– Сегодня истинное освобождение индивида «требует большего, а не меньшего наличия «общественной сферы» и «общественной власти». Именно общественная сфера сейчас нуждается в защите от вторжения частного интереса [Бауман 2008: 60].

– «Происходит колонизация общественной сферы вопросами, ранее считавшимися частными...».

– «Рецепты хорошей жизни и приспособления для достижения желаемого имеют «срок годности», поэтому «непрерывность бега» становится главным пристрастием.

– Код, «в котором записана наша “жизненная политика”, является производным от прагматики совершения покупок, шопинга». «Постмодернистское общество мобилизует и использует преимущественно потребительские, а не продуктивные (креативные) способности своих членов [Бауман 2008: 77, 80–81, 82].

Бауман различает понятия «здоровье» и «физическая подготовленность». Здоровье очерчивает, поддерживает и охраняет границу между нормальным и ненормальным. То есть, быть здоровым означает быть трудоспо-

собным. Напротив, «физическая выносливость» (я бы назвал её адаптивной способностью) никоим образом не означает «устойчивости». Это понятие означает обладание гибкостью тела и ума, чтобы соответствовать постоянно изменяющимся условиям [Бауман 2008: 86]. Он цитирует И. Иллича, утверждавшего, что «погоня за здоровьем сама становится превалирующим патогенным фактором», что ясно видно в пропаганде самых разных диет, без учёта всех остальных условий, влияющих на здоровье и адаптивную способность современного человека. Бауман заключает, что «глобализация, по-видимому, намного более успешна в разжигании межобщинной вражды, чем в содействии мирному сосуществованию общин» [Бауман 2008: 206].

По Бауману, процесс индивидуализации «заключается в преобразовании человеческой идентичности из “данности” в “задачу”», а также в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия (включая побочные эффекты) исполнения ими своих ролей. «Иными словами, она состоит в установлении автономии индивида *de jure*, хотя и не обязательно *de facto*» [Бауман 2008: 181].

## «Двойная» сущность социального движения

Удивительно, что сегодня западными исследователями отводится весьма скромное место значению социальных инициатив и движений в глобальных трансформациях, хотя сегодня именно они вносят «беспорядок» и изменяют соотношение сил на аренах разного масштаба: от локальных до глобальных. Максимум, о чём сегодня ведётся речь, так это о возрождении местных гражданских и других «неформальных» инициатив [Boudreau, Davis 2017; Joss 2018]. Тем интереснее капитальное исследование [Sen 2017], в котором *глобальный мир представлен как взаимодействие множества социальных движений и их «среды» обитания*: экономической, политической, социальной и культурной. Если посмотреть на этот подход с естественнонаучной точки зрения, то в нём нет ничего принципиально нового: всякий живой организм всегда «взаимодействует» со средой обитания. Но в данном случае речь шла о всеобъемлющем социологическом анализе. Попробую применить этот подход.

Во-первых, почему я говорю о «двойном» движении? Потому что *«движутся» не только коллективные социальные субъекты, но и среда их обитания*: экономическая, социальная, культурная. Более того, существует феномен «морфологического резонанса во времени и пространстве» (a morphological resonance across time and space), когда в результате постоянного взаимодействия коллективных субъектов на обширных пространствах формируются самоорганизующиеся социальные системы, обладающие коллективной памятью и типами коллективного поведения.

Во-вторых, современный мир полон самых разных движений, не только защитных или протестных, но идеологических, политических, экологических и многих других. Инициативы идут снизу и сверху, порождаются самим ходом исторического процесса, его нелинейным, а зачастую критическим характером. В отличие от Э. Баумана [Bauman

2017]), полагавшего, что только современный мир находится в стадии «перехода» (*interregnum*'a), разные общества в ходе своего развития или распада всегда находились в этой ситуации «между». Параллельно идут процессы отмирания старых и рождения новых социальных форм жизни, то есть мир в целом находится в состоянии постоянных изменений разного характера, направления, силы, длительности и т. д.

В-третьих, иными словами, речь идёт о принципиальной важности социальных движений как результате столкновения социальных процессов не только разной направленности, но и различных *темпо-ритмов* их протекания. С моей точки зрения, изучение их разнообразия и характера – актуальная задача возрождающейся социальной прогностики. Ошибочно считать, что наличие «всемирной паутины» автоматически означает одинаковую скорость социальных перемен в его отдельных сообществах.

В-четвёртых, «всемирная паутина» действительно создала феномен инверсии пространства (*inversion of space into time*), когда связь между отдельными агентами действия устанавливается практически мгновенно. Но наличие такого взаимодействия ещё ничего не говорит о его характере, длительности и результатах. Социальные науки медленно признают *необходимость познания метаболических процессов*, то есть качественных результатов этого взаимодействия. А они могут быть самыми разными, от нейтрального, взаимного стимулирования и до взаимоуничтожения (аннигиляции), мгновенными и очень длительными.

В-пятых, сказанное означает, что представление о глобальных процессах как о борьбе между правыми и левыми силами, «либерализмом» и «консерватизмом», между охранительными и освободительными трендами сегодня является слишком сильным упрощением, потому что всякое взаимодействие есть взаимное обучение. Слоган «движение движений», в частности, означает именно этот процесс, то есть перманентный взаимный познавательный процесс, и одновременно – порождение «обучающей среды» в форме семинаров, летних школ, интернет-форумов, интернет-платформ и т. д.

В-шестых, под воздействием этого двойного процесса изменения/становления начинает медленно изменяться институциональная система глобального сообщества. Те его правила и нормы, которые были созданы после Второй мировой войны, сегодня частично разрушаются или замещаются временными формами социального взаимодействия. Но именно всякое реформирование этой системы «сверху» вызывает наиболее ожесточённое сопротивление «снизу». Так было в России с монетизацией льгот, затем с пенсионной реформой и пр. Теоретически, всякая реформа есть лишь временный (ситуативный) ответ на постоянно происходящие изменения.

В-седьмых, происходивший в течение последних 20 лет переход мира в стадию «информационного общества» есть кардинальная реформа способа общественного производства и одновременно всей сложившейся институциональной системы. Переход РФ «на цифру» уже породил множество новых форм жизни и борьбы между его агентами и теми, кто сегодня оказался в новых условиях жизни и быта, начиная от сжатия рынка живого труда и до необходимости жить и работать в совершенно

иной, технически сконструированной социальной среде. Не социальные отношения, а «поведение» технических систем становится средой жизни человека. Не рискуют ли люди превратиться в обслуживающий персонал новейших технологических систем, то есть утратить свои важнейшие социальные функции – образования, познания, воспитания и т. д.?

В-восьмых, в научной литературе активность социальных движений анализируется, как правило, обособленно: вот – экологическое движение, вот – демократическое, антикоррупционное и т. д. В действительности все социальные движения «взаимодействуют» не только друг с другом, но и со своей средой обитания, которая тоже состоит не только из «косных» или очень медленно изменяемых сущностей, но и из других социальных агентов, находящихся в постоянном изменении. И. Пригожин и его последователи вообще считают, что современный мир находится в состоянии хаоса. Действительно, степень глобального риска возрастает. Но, с другой стороны, эта изменчивость, возникновение новых сообществ, движений, идеологий есть одно из условий поддержания общей стабильности. Не единственное, но необходимое. *Устойчивость через постоянные и всё ускоряющиеся изменения – такова диалектика современного мира.*

В-девятых, результаты опросов общественного мнения, формируемого под воздействием масс-медиа, не совпадают с характером и направлением массовых процессов. *Сегодня не опросы, а массовые миграционные процессы указывают на «горячие точки» глобального мира и направления его изменений.* Социальные конфликты и локальные войны, болезни и страдания беднейших слоёв населения, природные и техногенные катастрофы, растущий разрыв между богатыми и бедными, дефицит питьевой воды и других средств жизнеобеспечения – вот что сегодня движет участниками протестных акций и социальных движений. Единственным инструментом получения релевантной научной и политической информации является непрерывный мониторинг всего «броуновского движения», которым сегодня охвачена наша планета.

В-десятых, только такой мониторинг этой всеохватывающей изменчивости мира, осуществляемый как «сверху вниз», так и «снизу вверх», может служить надёжной основой социальных прогнозов. Но и они сегодня тоже приобретают вероятностный характер. Учитывая социальный феномен «силы слабости», то есть возможности порождения глобального риска в любой точке социального пространства, инсайдерская информация приобретает особое значение. Не случайно, что в современных исследованиях глобальной динамики всё чаще используются такие термины, как защищённость, безопасность, новые (неожиданные) вызовы и время реакции на них.

## Выводы и дискуссия

Успех и точность прогноза А. Алексева [Алексеев 1991] имеет архетипическое значение. Он показал, что группа отечественных гуманитариев, опираясь на собственные знания и опыт, была способна пред-

сказывать будущее. Это означало, что, с одной стороны, в динамике советского общества были достаточно устойчивые тренды, а с другой стороны, знаний экспертов было достаточно для всеобъемлющего прогноза в то время. Конечно, были и противоречия, и возвратные движения, но в целом эволюция советской системы была предсказуема. Однако спустя более трёх десятков лет ситуация качественно изменилась.

По мысли Дж. Сена [Sen 2017], мир сегодня находится во всеобъемлющем, но разнонаправленном движении (the movement of the movements). Действительно, разделить взаимодействующие сущности (не важно – на природные, социальные или технические) становится всё труднее. Мы живём сегодня не только в изменчивом, плохо предсказуемом, но и сложном мире социобиотехнических систем. Значит, нужны новые представления о современной глобализации и об агентах, её формирующих.

Современная социология способна предсказывать будущее, но только в тесном взаимодействии с естественными и техническими науками. Современный мир стал гораздо сложнее, подвижнее, противоречивее и неопределённее. Естественные и технические науки быстро развиваются, впитывая всё новое. Общественные науки, отражая устойчивость сложившихся экономических и социальных систем и институций, гораздо более консервативны. Фактически современные рациональные принципы структурно-функциональной организации и управления западных обществ, включая и Россию, восходят к идеям отцов Просвещения, которые заимствовали свои принципы у естественных наук. Напротив, создатели моделей общества будущего (Т. Кампанелла, Ш. Фурье, Р. Оуэн, А. Сен-Симон) опирались на морально-этические принципы равенства, справедливости и т. д.

Однако внутри самой проблемы предвидения заложено противоречие. Западные и российские исследователи (Дж. Александер, С. Кравченко) справедливо полагают, что современный научный подход к исследованию общественных процессов нуждается в гуманизации. Но сегодня между общественными и естественными науками существуют серьёзные разногласия в понимании критериев этого этического поворота. Представители гуманитарных и общественных наук утверждают, что любые современные технические решения, в том числе и предстоящий «переход на цифру», должны отвечать основным принципам этики и морали, выработанным человечеством за его долгую историю. А представители естественных и технических наук полагают, что дешевизна, компактность и безопасность и есть эти морально-этические нормы, отвечающие реалиям сегодняшнего дня. К этой трактовке всё более склоняются экономисты, полагая, что чем больше экономика становится «цифровой», тем более её моральные основы становятся рациональными.

Но и внутри сообщества экономистов есть неустрашимые противоречия. Одни, видя разрыв между бедными и богатыми, растущий дефицит ресурсов, полагают, что именно экономика, основанная на принципах разумной достаточности, экономии всех видов ресурсов и сбережении

природы, есть магистральный путь современного общества. Другие считают, что транснациональный капитализм, включая неизбежные войны и кризисы, «естественным образом» сократят избыточное население планеты, а оставшееся население будет жить и размножаться под полным контролем глобальной олигархии и их доверенных лиц.

Есть и третья группа теоретиков глобальной динамики, считающих «системный подход» способом разрешения названного выше противоречия. Но это только на первый взгляд, потому что сам системный подход должен основываться на каких-то морально-этических принципах. Ведущие западные обществоведы и специалисты в области системного анализа (З. Бауман, У. Бек, И. Пригожин, Дж. Стиглиц) полагали, что мир становится всё более неопределённым и неустойчивым. Но если современный мир – это «броуновское движение», то есть он никак не структурирован и неуправляем, то какие уж тут этические нормы? Как отмечал ранее Бауман, «мировой беспорядок» имеет подлинно революционный эффект: он обесценивает порядок как таковой. Повторяя мысль О. Шпенглера столетней давности, Бауман полагает, что глобализация может быть определена как «реванш кочевников» [Бауман 2008: 44]. Но в одной из своих последних работ Бауман высказывается за ре-субъективизацию работников, которая у них была отнята в ходе модернизации, снова возвращаясь к идее «креативного индивида» (creative individual) [Bauman, Raud 2015].

Допустим, что мы имеем дело с развитым капитализмом эпохи постмодерна. Однако и в этом случае общих морально-этических норм в нём не будет. Если речь идёт о транснациональном капитале с его стремлением к постоянному накоплению и расширению – это одно дело. Даже если эти нормы будут создавать представители гражданского общества или некая гуманитарно-ориентированная политическая сила, то следует ли ожидать, что их этика и мораль удовлетворят интересы всего общества? В возможности такого развития событий я сомневаюсь, так как человечество не только социальное образование, но и биологический вид. И эта «вторая его половина» всегда будет стремиться жить за счёт других, будь то менее развитые социальные общности, природные ресурсы или экосистемы, городские блага или просто другие люди. У тех, кто будет руководить глобальным миром, всегда будут средства принуждения остальных. Поэтому я не верю в возможность социального прогнозирования динамики глобальных систем только исходя из сохранения капиталистического способа производства, каким бы гуманным он ни стремился себя представить.

Проблема личности в нашем «переходном обществе» становится одной из наиболее актуальных задач социальных наук. Та модель устойчивости глобального мира (sustainable development), о которой не только мечтали, но и возвели в ранг мировой политики [Kaldor et al. 2003], безвозвратно ушла в прошлое. Ответ на вопрос, какими качествами должна обладать личность в условиях современной глобализации, – одна из наиболее актуальных проблем современной социологии.

## Библиографический список

Алексеев А. Н. 1991. Ожидали ли перемен? (из материалов экспертного опроса рубежа 1970–80-х годов) / Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал. Кн. 1 и 2.

Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество / Под ред. В. Иноземцева. М.: Логос. 323 с.

Бауман З. 2008. Текущая современность. Москва–СПб.: Питер. 208 с.

Кравченко С. А. 2015. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социологические исследования. № 2 (370). С. 12–20.

Новикова А.А. 2013. Природная катастрофа в Японии и ее последствия (Фукусима–2011 г.). М.: ИНИОН РАН. 40 с.

Сомов В. А. 2015. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. № 2 (370). С. 29–37.

Arsenault A., Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. № 23 (4). P. 488–513.

Bauman Z. 2017. A Chronicle of Crisis: 2011–2016. Social Europe Edition: London, UK 163 p.

Bauman Z., Raud R. 2015. Practices of Selfhood. Malden, MA: Polity Press. 153 p.

Boudreau J., Davis D. 2017. Introduction: A processual approach to informalization // Current Sociology. Vol. 65. № 2, Monograph (1). P. 151–166.

Joss S. 2018. Future cities: asserting public governance. Palgrave Communications: humanities, social sciences, business. DOI: 10.1057/s41599-018-0087-7

Kaldor M., Anheier H., Glasius M., eds. 2003. Global Civil Society Yearbook. Oxford: Oxford University Press.

Sen J. ed. 2017. The Movements of Movements. Part 1: What Makes Us Move? New Delhi: PM Press. 688 p.

The Global Risks Report 2018. Geneva: World Economic Forum. URL: [www.weforum.org/risks](http://www.weforum.org/risks) [Дата посещения: 11.02.2019].

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.554

## Is Social Forecasting of the Mobile World's Dynamics Currently Possible?

*Oleg N. Yanitsky*

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia.

E-mail: [oleg.yanitsky@yandex.ru](mailto:oleg.yanitsky@yandex.ru)

**For citation:** Yanitsky, O. N. Is social forecasting of the mobile world's dynamics currently possible?. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 11–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.554>

**Abstract.** Based on Soviet sociologists being able to predict the fall of the USSR in the mid 1980's, the author of this article seeks to understand whether social forecasting is possible in our unstable and constantly changing modern world. Relying on the theoretical work of Russian and Western sociologists conducted in the 2000's, including his own research and his participation in three international projects, the author of this article demonstrates that to this day a dichotomous approach prevails in prognostic studies. Such an approach to analysis is preferred by most Anglo-Saxon scientists who study globalization. The article also examines the theoretical-methodological trends being developed outside the boundaries of the aforementioned dichotomous analysis by researchers from third-world countries. For example, subject to analysis is the heuristic potential of analyzing modern globalization as a self-organizing "movement of the movements", as well as the need for interdisciplinary and metabolic analysis. Special attention is devoted to changes on the micro-level, in other words, to the position and lifestyle of an individual under conditions of fluid modernization. The article is concluded by certain specific considerations on the author's part concerning the type and nature of the theory and methodology, which allow for adequately analyzing and predicting the dynamics of our modern non-equilibrium and mobile world. Analyzed are the methodological contradictions between social and physical sciences in their ideas and approaches when it comes to criteria and methods for predicting the dynamics of the globalized world.

**Keywords:** globalization, dichotomy approach, individual, interdisciplinary and metabolic analyses, the 'movement of movements' methodology, social forecasting, theory and methods, Russian sociology.

## References

Alekseev A. N. Ozhidali li peremen? (iz materialov ekspertnogo oprosa rubezha 1970–80-kh godov) [Did you expect changes? (on the results of the expert survey on the turn of 1970-80-ies)]. Vols. 1 and 2. Leningrad: Institut sotziologii AN SSSR, Leningradsky filial. 1991.

Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*, 2008, no 23 (4), pp. 488–513.

Bauman Z. A Chronicle of Crisis: 2011–2016. London, Social Europe Edition, 2017. 163 p.

Bauman Z. Individualizirovannoe obschestvo [Individualized society]. Moscow, Logos, 2002. 323 p.

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]. Moscow–Saint-Petersburg, Piter, 2008. 208 p.

Bauman Z., Raud R. Practices of Selfhood. Malden (MA), Polity Press, 2015. 153 p.

Boudreau J., Davis D. Introduction: A processual approach to informalization. *Current Sociology*, 2017, vol. 65, no 2, Monograph (1), pp. 151–166.

Joss S. Future cities: asserting public governance. Palgrave Communications: humanities, social sciences, business, 2018, april 3. DOI: 10.1057/s41599-018-0087-7

Kaldor M., Anheier H., Glasius M., eds. Global Civil Society Yearbook. Oxford (UK), Oxford University Press, 2003.

Kravchenko S.A. Mosty, soedinyayushchie vsevozmozhnye raskoly sotziologii radi bolee ravnogo mira [Bridges connecting all possible cleavages in sociology for a more equal world]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 2 (370), pp. 12–20.

Novikova A. A. Prirodnaya katastrofa v Yaponii i ee posledstviya (Fukusima – 2011 g.) [Natural disaster in Japan and its consequences (Fukushima –2011)]. Moscow, ISSS RAS, 2013. 40 p.

Sen J. ed. The Movements of Movements. Part 1: What Makes Us Move? New Delhi, PM Press, 2017. 688 p.

Somov V. A. Fenomen sovetskosti: istoriko-kul'turniy aspekt [Sociology of Sovietness: historical and cultural aspects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 2 (370), pp. 29–37.

The Global Risks Report 2018. Geneva, World Economic Forum. URL: [www.weforum.org/risks](http://www.weforum.org/risks) [date of visit: 11.02.2019].